

У старых уральских горщиков, искателей драгоценных и цветных камней, бывало, да и теперь еще держится слово **занорыш**. Употребляется оно и в научно-технической литературе.

Занорышами называются вздутя и пустоты в пегматитовых жилах. В пору горообразования и вулканических извержений здесь, как объясняет академик А. Е. Ферсман, «начали кристаллизоваться все те элементы и соединения, которые в форме летучих паров насыщали расплавленную массу или же в ничтожных количествах были рассеяны в магме; по стенкам пустот и трещин вырастают красивые кристаллы дымчатого кварца и полевого шпата; пары борного ангидрида скопляются в иголках турмалина, то черного, как уголь, то красивых красных и зелёных тонов: летучие соединения фтора образуют голубоватые, прозрачные, как вода, кристаллы топаза: калий, натрий, литий, рубидий и цезий выстилают полости огромными шестигранными кристаллами литиевой слюды, тогда как берилит входит в состав зеленых и голубых аквамаринов».

Горщики, в большинстве неграмотные, конечно, ничего этого не знали, но находить занорыши умели иногда на очень значительной глубине. Так, недалеко от деревни Сарапулки, откуда вывезено огромное количество ярко-красных прозрачных турмалинов, или, как их называют, сибирских рубинов, есть копь «Ватиха», где на глубине 70 метров разрабатывались в разрушенном и изменённом граните жилы аметистов редкой красоты, окраски и прозрачности. Иногда занорыши поражали своим объемом и богатством содержания. Например, в 1900 году на берегах речки Адуя, по сообщению того же академика А. Е. Ферсмана, артель горщиков за несколько недель выбрала свыше 30 пудов тёмно-зелёного берилла на огромную по тому времени сумму, и целыми возами увозили отсюда ценные камни и прекрасные штуфы для минералогических коллекций.

Как ни изумительный подобные находки, ещё более удивительны наблюдательность, уверенность, терпение и мужество, с какими горщики прокладывали в крепчайших породах гранита путь к чудесному занорышу. При разработках, случалось, теряли пегматитовую жилу, но почти всегда оказывались люди, которые, просмотрев шаг за шагом разработку, находили верный путь к природной каменной кладовке, где миллионы лет хранились драгоценности.

Простодушные люди склонны были рассматривать таких горщиков просто удачниками, счастливыми. Даже о знаменитом Даниле Кондратьевиче Звереве, которого знали и высоко оценили минералоги всей страны, иногда говорилось:

– Этому на камни всегда фартит. Два новых места нашёл и в старых на самые хорошие занорыши попадает. На удивленье человеку везет...

Те, кто близко наблюдал Д. К. Зверева, знали другое. Все видели, что он с работы, с разведок неизменно приносил в котомке немало камешков, не имевших рыночной ценности. Это были «знаки», «следки», «проводнички», «приветливые галечки», «припасы», по которым

неграмотный геолог, как некогда звали Зверева, разобрался в месторождении не хуже тех, кто был вооружён подлинным научным знанием и даже геологической картой.

Нет, у Зверева был трудный путь. Недаром близкие звали его в старости «дедушка с тяжёлой котомкой».

Эта набитая камнями тяжёлая котомка старого горщика, всю жизнь искавшего чудесные цветы земной глубины, вспомнилась теперь, когда организуется работа по сбору фольклора отечественной войны.

Можно не говорить об огромном значении этой работы, но о путях к родникам народного творчества говорить следует.

Надо сознаться, что здесь у нас всё ещё чувствуется влияние старых фольклористов, которые шли по проторенной дорожке к «бытующему в народе», узко понимая под «бытующим» только то, что уже полностью сформировано, вышло наружу, отражено, отшлифовано, отполировано и воском натерто. В силу такого понимания романс, вошедший через плохие песенники Мухиных-Манухиных и К^о в обиход какой-то части населения, получал высокое звание народной песни. Вариантами этого романса интересовались, а семейные предания рабочих с повторяющимися деталями даже не записывали на том основании, что эти рабочие предания ещё не имели законченной формы и «не бытовали» даже в пределах смежных селений.

Перестановка слов или замена одного другим в произведениях, записанных в известных сборниках, считались событием. Об этом много говорили и писали. Но мало внимание привлекли «замечания» к «Истории Пугачёва», где А. Пушкин передавал слова, старой казачки:

– Грех сказать, а на него мы не жалуемся: он нам зла не сделал.

А другой старик Д. Пьянов на вопрос о Пугачеве сердито ответил:

– Для тебя Пугачёв, а для меня он был великий государь.

Эти драгоценные «знаки», вынутые рукой нашего народного гения, всё-таки остались мало замечательными, и родник народных оценок Пугачёва иссяк, не напоив никого живой водой народного творчества.

Это же видим на Урале, где рабочие предания своевременно не записывались, а теперь их сбор стал не менее труден, чем поиски занорышей.

Для примера расскажу о своём опыте работы над темой «Немцы в уральском рабочем фольклоре».

Старик-горщик из деревни Кунгурка на вопрос о немцах стал рассказывать о немце-золотопромышленнике Бревере. Всё это уже было мне известно. Спрашиваю – не слыхал ли чего о «старинных» немцах. Мой собеседник вспомнил:

– Сказывали старики про одного немца. Он будто целую гору проглотил и все наши заводы схамкал. Вот какой брюхан!

Кроме этого мой собеседник ничего сказать не мог, но вскоре, в другом районе я встретил старика, который дал новый вариант этого же рассказа.

– Точно! Был такой немец! Над горами его начальником поставили, а он взял да одну гору и сглотнул и ещё половину всех здешних заводов слопал.

По этим обрывкам всякому, немного знающему историю горнозаводского Урала, нетрудно догадаться, что речь идет о немце Шемберге, который в пору бироновщины захватил в свое владение гору Благодать с прилежавшими к ней заводами и «организовал» раздачу казенных заводов в частные руки.

Оказалось, что память об этом событии держится даже в тех районах, которые фактически не были задеты, но основной источник фольклора по этому вопросу надо искать в районе горы Благодать: в Кушвинском, Лайском, Баранчинском заводах.

Если так обстоит дело с фольклором, который не успел вылиться в законченную форму в течение 200 лет, то фольклор наших дней, который ещё весь в форме летучих паров и расплавленной массы, требует другого подхода. Здесь в ходе процесса надо уловить тончайшие оттенки.

Вот мелкий, но интересный пример. В одном из цехов Невьянского завода появилась присловье – «за путевкой на курорт». Применяется это исключительно к старикам-пенсионерам. Источник присловья – действительный случай, когда одна работница, ранее ежегодно ездившая на один из крымских курортов, попросила путевку. Ей говорят: «Да ведь там фашисты», а работница отвечает: «Не всё же им там сидеть! Выгонят наши, – тогда и поеду, а чтоб путёвка сейчас была!».

Случай этот заметили, и он нашел свое отражение в присловье, пока известном на одном заводе. Может быть широкого отзвука это и не даст, но всё же это частица фольклора отечественной войны, и это должно быть записано.

Не отрицая такого показателя, как «бытование», надо сказать, что еще более важно другое: надо, чтобы записи нового фольклора отражали непосредственно народное творчество, возникающее в тех глубинных лабораториях, где оплавляется чудесное, недоступное отдельному человеку, как бы ни был он талантлив.